

ПОМИНКИ В БЕНДЕРАХ

Семён Коган

Григорий Борисович, некогда крупный, породистый мужчина, к семидесяти годам сник, сторбился, стал ниже ростом, но все еще держался, ходил по магазинам, торчал в многочасовых скандальных очередях и тем коротал свое одиночество.

Во время летней войны в Бендерах¹ он не уехал, как многие другие, в Одессу, не загорал на Черном море. Все эти долгие суровые дни он провел в собственной квартире. Нередко голодал из-за отсутствия хлеба и других продуктов, полагая, что от судьбы не уйдешь, и где-то подсознательно надеялся, что его настигнет снайперская пуля или снаряд, выпущенный из "Алазани"², так как считал, что свое он прожил, жизнь больше не радовала его, да и не было в ней сейчас никакого смысла.

Подобные мысли стали приходить Григорию Борисовичу после смерти жены. Она у него была русской, хотя сам он родился и воспитывался в еврейской семье, где чтит Тору и шаббат... Однако это не помешало Григорию Борисовичу стать интернационалистом. И несмотря на протесты родителей, вплоть до предупреждений: "Если женишься на ней, мы от тебя откажемся", он взял в жены Катю. Сей факт вызвал недовольство всех родственников, с ним перестали здороваться, его осуждали и обличали. Более года родители не разговаривали с блудным сыном, и после свадьбы он вынужден был снимать квартиру, хотя в его доме места бы хватило еще на одну семью. Но время шло... Катя стойко сносила все обиды и оскорбления, была мудра и терпелива, понимая, что за день или два вековые традиции не изменить... И родители, наконец, поняли, что говорить можно всякое, а

жизнь у каждого своя... Они признали Катю, хотя порой, чаще невольно, в их поведении проявлялись отголоски прошлого, что причиняло Кате немалые душевные травмы, да и сам Григорий Борисович не в меньшей степени страдал, хотя и верил, что все, в конце концов, образуется...

Спустя три года у них родился первый ребенок. Григорий Борисович не мог на него нарадоваться, но вскоре случилась беда – мальчик простудился и умер от воспаления легких.

Через два года появилась девочка. Она любила петь и рисовать, хорошо училась, тянула на медаль, но накануне выпускных экзаменов попала в автомобильную катастрофу и погибла. Младший, Левушка, был поздним ребенком, родители в нем души не чаяли, во всем ему потакали и тем, очевидно, испортили. Окончив институт, он женился, уехал в Россию. Писем не посылал, приезжал всего один раз, да и то по делам, и практически перестал интересоваться жизнью родителей. Григорий Борисович пытался поддерживать с сыном теплые отношения, часто звонил ему, писал. Однажды даже поехал к нему, но встретил холодный равнодушный прием: жена Левушки не хотела знать "этих евреев, которые только и делают, что думают о себе и своем благополучии".

Сначала Лева вяло сопротивлялся, доказывая, что его родители не такие, но, очевидно, у женщины было больше напора, чем у него аргументов, и Лева сдался. Стал понемногу отходить от родителей, и к моменту приезда Григория Борисовича вполне созрел для того, чтобы его родной отец на следующий день взял чемодан и отправился на вокзал...

После летней войны в Бендерах наступили нелегкие времена. Цены катастрофически росли, пенсия оставалась мизерной, на нее можно было купить разве что пару килограммов мяса... Но одним мясом сыт не будешь... И потому Григорий Борисович, который и прежде не позволял себе никаких излишеств, перешел на молочные продукты, их еще можно было приобрести в длинных и скучных очередях. Но затем с прилавков исчезло молоко, а за ним и кефир. Объясняли это тем, что на молочном комбинате отсутствовало сырье, а Молдова не хотела отпускать его за приднестровские деньги – "суворики".

С питанием стало совсем худо. В магазинах практически ничего не было. Иногда отпускали по талонам соль и сахар, перловую и манную крупу. Но они не способны были утолить надвигающийся голод. Григорий Борисович больше стал употреблять хлеба, благо он еще отпускался по сносной цене, но все равно очень хотелось есть.

За свою долгую нелегкую жизнь он многое успел повидать и узнать. Но подобного чувства обреченности и безнадежности еще не испытывал.

Григорий Борисович был первоклассным токарем, воевал с фашистами, имел правительственные награды, любил играть в шахматы и слушать Иосифа Кобзона, вообще, он был человеком жизнерадостным, но после того, как грянула перестройка, победила "демократия" и распался Союз, он сник и, как многие его соотечественники, потерял веру в светлое будущее. И как можно было в нее верить, если его лишили настоящего, отобрали родину и все сбережения, которые хранились в сберегательной кассе на старость и похороны. В одночасье он оказался в Ближнем зарубежье, эмигрантом и иностранцем в собственном доме, никому не нужный и всеми забытый. Правда, у него оставалась еще одна Родина – историческая, к которой Григорий Борисович относился с большой теплотой и в юности даже мечтал туда выехать, но сейчас, когда здесь были похоронены его жена и дети, он должен был закончить рядом с ними свой жизненный путь...

Несколько раз Григорий Борисович пытался продать свои старые вещи – пиджак, простыню, рубашки. Новых у него не было, так как к вещам он относился весьма пренебрежительно, полагая, что даже когда встречаются по одежке, то все равно оценивают по уму... Сейчас бы эти вещи весьмагодились...

Коммерческая деятельность не принесла ощутимого результата. В эти нелегкие времена безденежья не только старики, но и молодые

торговали в городе, нередко импортными, турецкими товарами, с которыми Григорий Борисович не мог никоим образом состязаться... А покупательский спрос резко отставал от предложения, у многих не хватало средств даже на самое необходимое...

После месяца безрезультатного стояния с протянутой рукой, на которой висела китайская рубашка двадцатилетней давности, Григорий Борисович понял, что бизнесмена из него не получится, раздал свои вещи нищим и в подавленном настроении отправился домой.

С каждым днем жизнь становилась все более непредсказуемой... Теперь в магазинах оставались одни пустые полки, хмурые продавщицы и утомленные долгим ожиданием пенсионеры, которые в надежде на то, что "выбросят" что-то дешевое, коротали здесь все свои дни, ведя долгие философские беседы: кто виноват и куда мы идем? Некоторое время Григорий Борисович принимал участие в подобных вялотекущих дискуссиях, но вскоре ему надоело, так как говорить можно что угодно, а жизнь, к сожалению, в лучшую сторону не менялась.

Денег не хватало ни на что... В городе возросла смертность... Газеты писали, что во многих квартирах находили старых людей без признаков насильственной смерти... "Скорая" на вызовы пенсионеров не реагировала, ссылаясь на отсутствие бензина и медицинских препаратов. Злые языки поговаривали, что пенсионеров в больницах специально лечат так, чтобы после уже никто не смог их вылечить.

Однажды умер сосед Григория Борисовича. Хоронили его всем домом. Затем устроили поминки: приличный стол с первым, вторым, настоящим лимонадом и слоеными булочками, о которых многие просто забыли и одну из которых Григорий Борисович прихватил с собой домой...

На следующий день отправляли в последний путь бывшего сослуживца. Тоже состоялись поминки, и Григорий Борисович вдруг осознал, что появилась надежда пережить эти смутные времена.

С тех пор он каждый день отправлялся после обеда на кладбище, обычно в это время проходило погребение, и присоединялся к какой-нибудь траурной процессии. Если хоронили военнослужащего или большого начальника, он оставался в стороне, понимая, что своим видом – потертое пальто, поношенные брюки и стоптанные башмаки – привлечет ненужное внимание. Однако большей частью в траурных колоннах находились такие же озабоченные и угрюмые люди, одетые без претензий на современную моду, и Григорий

Борисович смело вливался в поникшие скорбные ряды. Он понимал, что никто его не сможет ни в чем ни упрекнуть, ни уличить.... Но если бы даже кому и пришло в голову выяснять, чем он здесь занимается, нетрудно было бы найти достойный ответ...

Правда, однажды его спросил далекий знакомый:

- А ты, Рабинович, что здесь делаешь? Ты же еврей!

Вопрос был явно антисемитский, так как Григорий Борисович носил совершенно другую фамилию и знал этого человека как одного из членов антисемитской "Памяти". Но он не стал усугублять и доказывать свою правоту, а просто ответил:

- В первую очередь, человек выше всяких национальных предрассудков. Чтобы ты в этом не сомневался, я могу прийти и на твои похороны.

Далекий знакомый стал еще дальше, грязно выругался, но трогать иноверца не стал, не та обстановка, хотя и предупредил:

- Ну, погоди! Мы еще с вами рассчитаемся!..

Во время погребения Григорий Борисович переживал вместе со всеми. Он был очень сентиментален и даже на склоне лет сохранил это чувство. Из его глаз капали настоящие слезы, и вместе с усопшим в эти минуты скорби он видел свою любимую Катеньку и незабываемых детей Яшу и Эстер!

Смерть любого человека была для Григория Борисовича невосполнимой утратой. Она отнимала у него частичку бытия современника, с которым Григорию Борисовичу посчастливилось жить рядом, ходить по одним улицам, дышать одним воздухом...

На поминках Григорий Борисович ел медленно, степенно, не злоупотреблял и не переел, но домой обязательно брал с собой какую-нибудь булочку или рогалик. Вместе со стаканом чая они составляли его ужин, после чего, уставший и разбитый, Григорий Борисович включал телевизор, смотрел новости, тяжело вздыхал, приговаривая: "Боже мой! Боже мой!". И к десяти часам укладывался спать...

По воскресеньям Григорий Борисович на кладбище не ходил. Устраивал себе выходной. Покупал на сэкономленные деньги творог или брынзу, жарил картошку и весь день проводил один среди книг, семейных фотографий и телевизионных передач.

В ожидании очередной похоронной процессии Григорий Борисович каждый день приходил на могилу жены. Катю похоронили на русском кладбище, как она просила перед смертью, хотя за долгие годы семейной жизни в еврейской среде в ней практически от русского человека

ничего не осталось, разве только национальность в паспорте да милые воспоминания о далеком детстве в родной русской деревне под Саратовом.

Григорий Борисович подолгу сидел у могилы жены, смотрел на фотографию, высеченную в гранитной плите памятника, и делился с ней своими грустными мыслями. Она и сейчас оставалась для него живой. Он знал, как бы Катенька ответила на тот или иной вопрос, и говорил ей:

- Милая, что же делать, если так получилось, и я пережил тебя? Попроси Бога, чтобы он скорее соединил нас. Мне уже неважно на этой земле. Она ему отвечала, и он явственно слышал:

- Живи, Гриша, коль Господу это угодно. Все мое время...

Миновало лето. Солнце уже не поднималось по утрам на небосклоне и не радовало Григория Борисовича своими теплыми лучами. Наступили пасмурные дождливые дни. То и дело с маршрутов снимали автобусы, в городе кончилось горючее, и людям теперь приходилось добираться до работы пешком.

Посещать кладбище в холод и слякоть Григорию Борисовичу с каждым разом становилось сложнее. Все чаще оставался он дома, а отсутствие полноценной еды лишало сил и каких-либо желаний. Но в погожие дни, а они иногда случались, Григорий Борисович выбирался на похороны. Порой ему было даже скучно без них, здесь очищались души от повседневной суеты, приобщаясь к истинному, вечному.

Особое пристрастие Григорий Борисович испытывал к погребениям под мощные аккорды духового оркестра. Звуки, вылетающие из медных труб, настраивали на лирический лад, волновали воображение, возвращали в далекое детство, когда он убежал из школы в парк культуры, чтобы послушать там, как играют военные...

В один из декабрьских вечеров, когда на город надвигались сумерки и комендантский час, который сохранялся здесь вот уже несколько лет, когда с улиц исчезали люди и машины и изредка слышались одиночные выстрелы, отголоски минувшей войны, Григорию Борисовичу стало вдруг плохо. Он решил вызвать "скорую", но, вспомнив, что она к старикам не приезжает, тяжело вздохнул, слабыми руками растер грудную клетку и лег на диван. Внутри пылали огненные смерчи, голова отяжелела и одеревенела... Григорий Борисович понял, что умирает. Ему вдруг показалось, что он сидит за столом на собственных поминках, печально играет духовой оркестр, а его жена со всеми детьми расположилась рядом и

улыбается...

Когда спустя несколько дней соседка постучала к Григорию Борисовичу и не услышала привычное:

"Аннушка, это вы?" – она забеспокоилась и вызвала милицию.

Трое рослых парней взломали дверь и нашли безжизненное тело Григория Борисовича. Оно лежало на полу на боку, одна нога была выдвинута вперед, словно её владелец торопился куда-то уйти...

Когда после вскрытия встал вопрос, где хоронить покойного, кто-то заметил, что его жена была русской, и всё решилось само собой...

Гроб Григорию Борисовичу выделило государство бесплатно, на него у государства денег хватило. Его хоронили в отдалённом углу кладбища. Более престижного места для ветерана войны и труда не нашлось. Впереди лежали ответственные лица, бывшие партийные работники, известные уголовники, в центре хоронили бизнесменов, предпринимателей и их родственников, а на задворках нашли вечное пристанище все те,

кто входили в демократию и рыночную экономику с парадного входа.

На траурной церемонии присутствовало несколько случайных людей, бомж, который однажды сидел рядом с Григорием Борисовичем на поминках, и кладбищенский сторож, который часто беседовал с ныне усопшим о проблемах бытия.

Гроб торопливо опустили в могилу, наспех засыпали, обозначили металлическим крестом с памятными датами жизни и разошлись по домам.

А над кладбищем неслась траурная мелодия. В этот час здесь прощались с известным в городе вором в законе... Скорбь и невозможная утрата отражались на лицах видных предпринимателей, известных общественных деятелей, представителей многих организаций и предприятий.

И хотя Григорий Борисович более не слышал столь приятные его сердцу печальные звуки, он, наверное, был впервые за последние годы счастлив, потому что покинул, наконец, эту грешную землю, чтобы встретиться с теми, кого по-настоящему любил...

¹ Военные действия в Приднестровье летом 1992 г.

² Артиллерийские орудия.

